

Параметры порядка слов и морфологического маркирования и их конкуренция
Герасимова Анастасия Алексеевна, МГУ
Гращенко Павел Валерьевич, МГУ

На основании «входных» языковых данных дети усваивают грамматику, «сходясь» на грамматике предыдущего поколения или изменяя ее. В грамматике переходных клауз реализуются два параметра: морфологического маркирования объекта и порядка слов.

Русский язык способен разрешать грамматическую омонимию при помощи морфологии. В русском есть неомонимичные показатели номинатива (*собак-а*) или аккузатива (*кочерг-у*); но трактовка SVO или OVS потенциально допустима для любых предложений:

(1) *Рысь видит мышь.*

Морфологически и синтаксически омонимичный инпут затрудняет усвоение «верных» грамматических конструкций. Однако корпус лонгитюдных исследований детской речи CHILDES содержит данные усваивавших русский язык детей, на основании которых можно утверждать, что уже в течении первого полугодия активного речепроизводства дети начинают: i) практически безошибочно употреблять форму аккузатива; ii) использовать соотношение OV|VO порядков, похожее на таковое в разговорной речи взрослых.

Согласно (Сиротинина 1965) препозиция объекта в русской речи допускается примерно в 20-30% случаев, но может достигать и 80%; (Bailyn 2011:249) определяет конкуренцию порядков SVO и OVS как 79% и 11% соответственно. Несмотря на количественное доминирование VO структур и избыточную морфологическую омонимию, в русском и многих других языках, располагающих «морфологическим ключом», дети в возрасте 2-3 лет уже демонстрируют значимую релевантность морфологии при определении роли участников, (Dittmar 2009), (Miyata 2008), (Sauermann & Gagarina 2016) и др.

Пример (2) отличается от (1) тем, что в нем нет морфологической омонимии, т.е. связь между прямым объектом и аккузативом представлена в явном виде:

(2) *Маша ела булку.*

Примеры типа (3) являются промежуточным случаем, когда омонимичен лишь субъект:

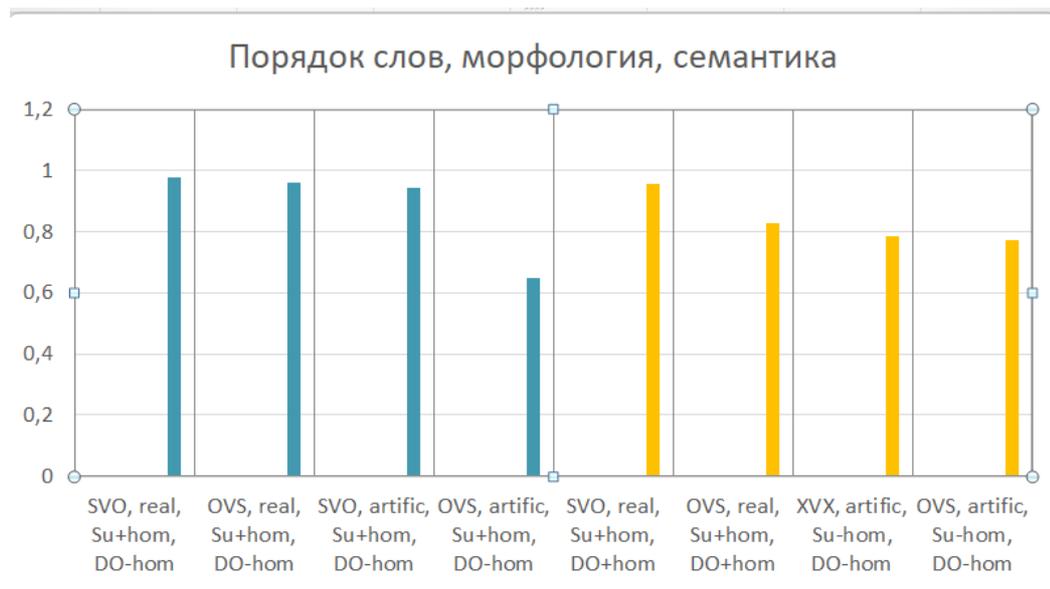
(3) *Мышь ест булку.*

(2) и (3) в отличие от (1) не омонимичны, однако даже такие предложения могут окказионально анализироваться носителями ошибочно. Тем более это касается случаев псевдослов типа (4), когда нет доступа к семантике:

(4) *Мошу ела кось.*

Нами были исследованы факторы, которыми руководствуются взрослые носители при выборе того или иного варианта парсинга в условиях ограниченного времени. Ограничение времени давало возможность устанавливать первую реакцию, не предполагающую репарсинга. В (5) представлены результаты для разных комбинаций порядка слов, морфологической омонимии и семантики (реальное/искусственное имя).

(5)

Основные результаты исследований таковы: i) для любой комбинации рассмотренных значений параметров ответы носителей существенно неслучайны; ii) в отсутствии семантической поддержки и при инвертированом порядке слов морфологический параметр может решать задачу определения участников (4-й синий и 4-й оранжевый столбцы); iii) если нет семантических и грамматических маркеров, с вероятностью около 0,8 выбирается порядок SVO.

Другие результаты исследования будут обсуждены в докладе.

Источники:

Сиротинина, О.Б. 2003 (1965) Порядок слов в русском языке. Серия: Лингвистическое наследие XX века. УРСС, Москва, 2003 г.

Bailyn, J. F. 2011. The Syntax of Russian. Cambridge University Press.

CHILDES Russian: <https://childes.talkbank.org/access/Slavic/>

Dittmar, M. 2009. Acquiring the transitive construction. The development of understanding word order and case marking cues. PhD dissertation, Berlin, 2009.

Miyata, Susanne 2008. Input Frequency and Case Acquisition in Japanese. Journal of Medical Welfare, 2008 4. pp. 108-117

Sauermann, Antje & Barbara Höhle. 2016. Impact of context and type of referring expression on sentence comprehension in German-speaking children. In Laurel Perkins, Rachel Dudley, Juliana Gerard & Kasia Hitczenko (eds.), Proceedings of the 6th Conference on Generative Approaches to Language Acquisition North America (GALANA 2015), 90–101. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project